

Мария де Гурне: НАЗВАННАЯ ДОЧЬ МОНТЕНЯ и ее время

Часть I

Татьяна Соловьева

Новый мост и набережная в Париже.

Худ. Дэвид Кокс. 1829 г.

Йельский центр британского искусства, Нью-Хейвен, США.

Начиная с первого посмертного издания «Опытов» Монтеня 1595 года и вплоть до начала прошлого века, семнадцатая глава второй книги заканчивалась следующим абзацем:

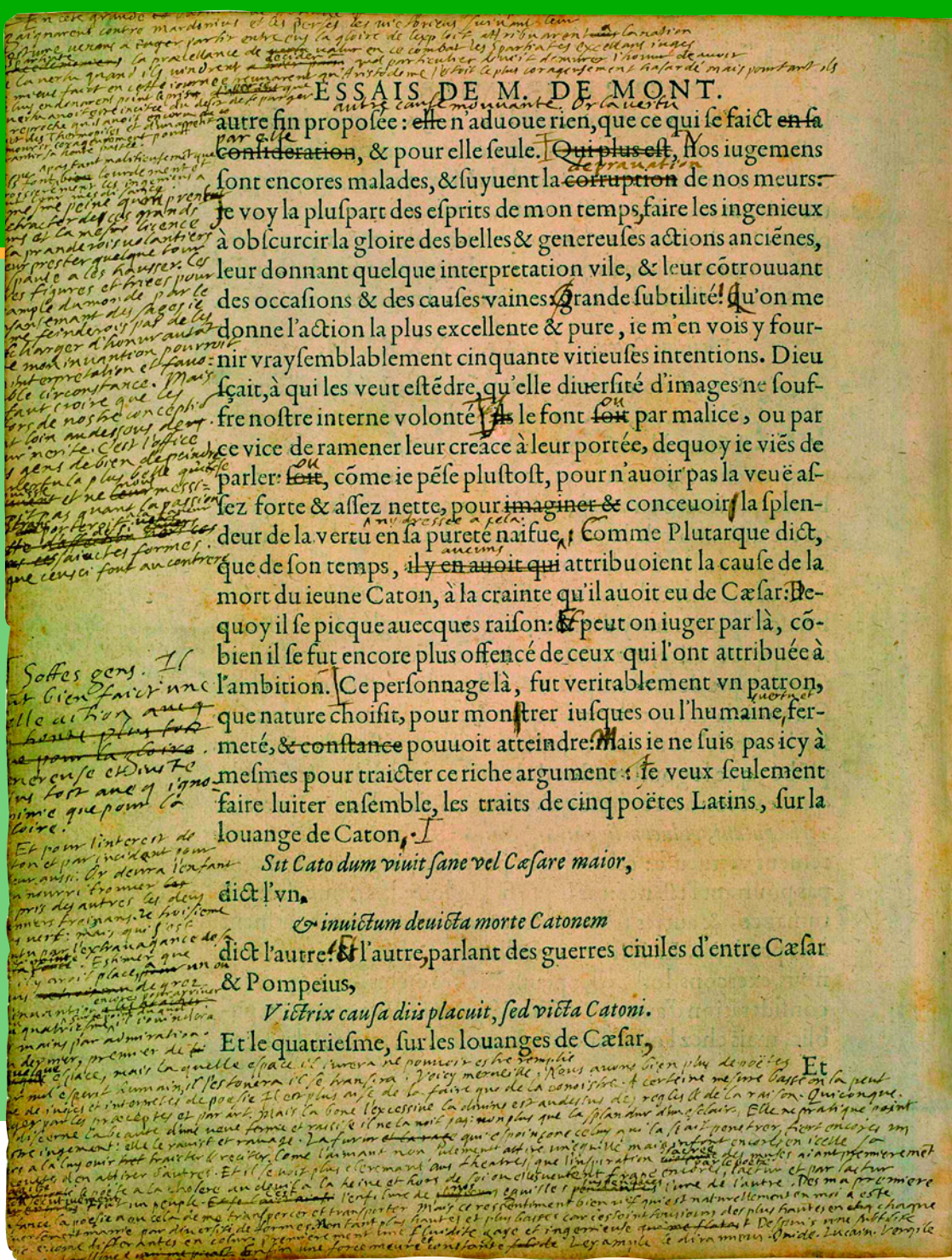
«Я не раз имел удовольствие печатно сообщать о надеждах, которые я возлагаю на Марию де Гурне де Жар, мою духовную дочь, любимую мною бесспорно не только отечески, но и много сильнее. Она незримо присутствует в моем уединенном затворничестве, как лучшая часть моего сущес-

тва, и ничто в целом мире не привлекает меня, помимо нее. Если по юности можно предугадывать будущее, то эта исключительная душа созреет когда-нибудь для прекраснейших дел и, среди прочего, для совершенной и священной дружбы, до которой не возвышалась еще (по крайней мере, ни о чем подобном мы еще не читали) ни одна представительница женского пола...»

С тех пор «Опыты» многократно переиздавались без изменений — как на родине философа, так и в иностранных переводах.

Вверху:

Монтень. Гравюра Томаса де Лё. Впервые опубликована в издании «Опытов» 1608 г.

Однако в начале XX века лестный отзыв о Марии де Гурне исследователи сочли сомнительным, из основного текста он был изъят и стал помещаться в вариантах и комментариях. Никто не посмел пойти против патриарха и главного авторитета

Вверху:

Страница из «Бордоского экземпляра» «Опытов» с собственноручной правкой Монтеня для издания 1588 г.

Никто не посмел пойти против Пьера Виллэ, к названной дочери Монтеня относившегося иронично-пренебрежительно, и даже высказавшего предположение, что автором монтеневского пассажа о Марии де Гурне, появившегося лишь в посмертном издании, могла быть она сама.

монтенистики Пьера Виллэ, к названной дочери Монтеня относившегося иронично-пренебрежительно, и даже высказавшего предположение, что автором монтеневского

пассажа о Марии де Гурне, появившегося лишь в посмертном издании, могла быть она сама.

Главным аргументом Пьера Виллэ был тот факт, в том, что в экземпля-

ре «Опытов» с собственноручными поправками и дополнениями Монтеня, которые он внес незадолго до ухода из жизни, этот абзац отсутствует. Полной ясности в этом деле,

Иллюстрации на развороте:

Башня замка Монтеня, в которой находились библиотека и рабочий кабинет писателя. Аутентичная постройка XIV века, уцелевшая после пожара, произошедшего в конце 1800-х. Но если изречения древних философов на балках библиотеки были восстановлены заново, то фрески на стенах частично сохранились с монтеневских времен.

правда, нет. На экземпляре рукописи, получившей название «бордоской» (по месту хранения в библиотеке города Бордо), в конце главы XVII второй книги все-таки имеется пометка, что здесь должно быть добавление, но сам текст его утерян, и можно лишь гадать, был ли это отзыв о Марии де Гурне или нет. Зато доподлинно известны другие сведения: именно стараниями этой удивительной женщины «Опыты» увидели свет в 1595 году, и именно она была издателем, редактором и пропагандистом великой монтеневской книги после смерти писателя. Причем, происходило это в те времена, когда хорошо воспитанной девушке больше приличествовали пальцы для вышивания, чем книги, а образованная женщина воспринималась, по меньшей мере, как явление странное и неестественное.

ПРОГУЛКИ с МОНТЕНЕМ

Мария де Гурне родилась 6 октября 1566 года в Париже, в семье мелкопоместных дворян Гийома де Жар и Жанны Аквиле.

Марии захотелось поделиться нахлынувшими мыслями и эмоциями, рассказать обо всем, что чувствует, именно этому невероятному человеку. Она пишет Монтеню письмо, и получает неожиданный ответ. Переписка закончилась тем, что в 1588 г. они встретились в Париже. Ей было 23 года, ему – 55.

После гибели мужа вдова с шестью детьми, старшей из которых была тринадцатилетняя Мария, вынужденно переехала из Парижа в деревню на севере Франции, где жизнь была дешевле. Правда, из-за постоянной нехватки денег, семье и здесь пришлось вести довольно скромное существование. В небольшом доме, купленном незадолго до смерти Гийомом Ле Жаром, и прошло ее детство, а название деревни – Гурне-сюр-Аронд – Мария возьмет впоследствии в качестве псевдонима.

Девушке не было еще и двадцати, когда она прочитала «Опыты» Монтеня. Читала она много, запоем, все подряд, но тайком, так как это вызывало сильное недовольство матери и приводило к постоянным раздорам. Хотя мадам Аквиле де Жар не особенно рассчитывала на удачные браки дочерей, за которыми не могла дать сколь-

нибудь приличного приданного, это не уменьшало материнского недовольства старшей из них, предающейся непотребным для девушки глупостям, вроде стихов Вергилия.

Перед великим римским поэтом юная Мария испытывала столь сильный восторг, что самостоятельно, сравнивая французские переводы с оригиналами, выучила латынь, чтобы сделать свой перевод «Энеиды». За латынью был освоен древнегреческий, и позже, уже во взрослом возрасте, она не раз возвращалась к восхищавшим ее античным авторам, делая новые переводы их произведений на французский.

Еще одной любовью, сохраненной с юности, станут стихи Ронсара и поэтов «Плеяды». Но лишь когда в ее руки случайно попадут монтеневские «Опыты», она найдет отца и учителя, в котором так нуждалась в детстве. В этой книге ее очаровывало все: «художественный беспорядок» формы, в которую Монтень облек свои рассуждения, цитаты из ее любимых римских писателей, необычная для того времени простота стиля, раскованность мыслей и просто брызжащая со страниц личностная свобода, которой так не хватало умной и одинокой провинциальной девушке. Марии захотелось поделиться нахлынувшими мыслями и эмоциями, рассказать обо всем, что чувствует, именно этому невероятному человеку. Она пишет Монтеню письмо, и получает неожиданный ответ. Переписка закончилась тем, что в 1588 году они встретились в Париже. Ей было 23 года, ему – 55.

Для самого Монтеня поездка в Париж, куда он отправился по делам нового издания «Опытов», совмещенным с намечающейся ассамблеей Генеральных штатов, на

Среди копий картин в библиотеке замка Монтеня в Бордо хранится портрет, где писатель изображен с названной дочери Марией де Гурне.

Мария де Гурне в возрасте тридцати лет. Единственный портрет писательницы опубликован в ее книге «Les Advis ou les Presens», издание 1641 г.

которую он был избран делегатом от Бордо, сопровождалась необычными событиями. Мало того, что по дороге, недалеко от Орлеана, его

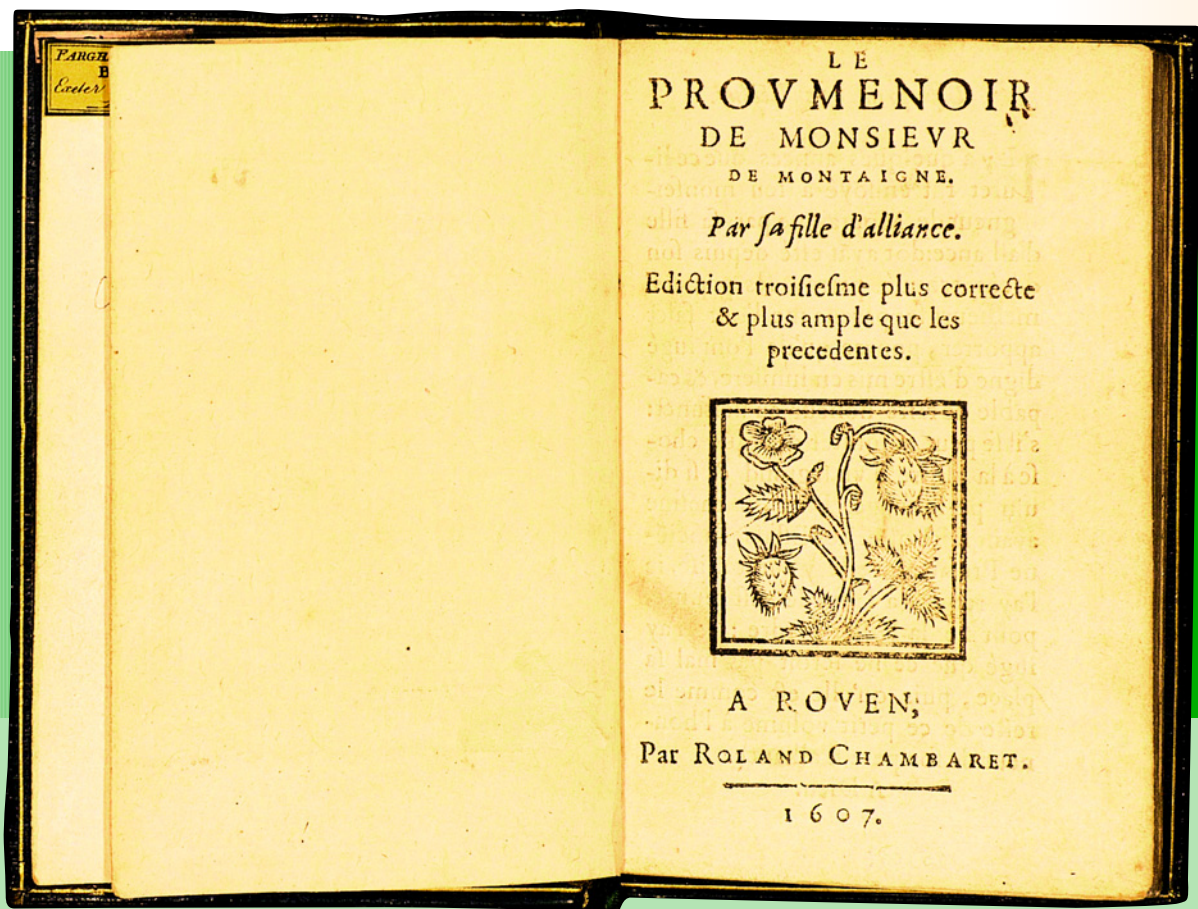
ограбили, в Париже оказалось еще хуже. «День баррикад» 12 мая 1588 года закончился бегством королевского двора во главе с Генрихом III из столицы, а его противники хватали на улицах города всех подозрительных и бросали в тюрьму. На несколько дней попал в Бастилию и Монтень, откуда был освобожден, только благодаря заступничеству Екатерины Медичи. На фоне всех этих перипетий приглашение новой знакомой погостить в тихой пикардийской деревушке Гурнесюр-Аронд, для Монтеня оказалось довольно привлекательным – он

наделся переждать, пока на дорогах станет безопаснее.

Три последующих месяца для Марии были, может быть, самыми счастливыми в ее жизни: сам Монтень назвал ее «приемной дочерью» и даже подарил сюжет для романа. Мария тут же принялась писать его, назвав его *Le Proumenoir de M. de Montaigne par sa fille d'alliance* – «Путешествие Месье де Монтеня к своей названной дочери». Название сочинения, более известное как «Прогулки с Монтенем», никакого отношения к сюжету не имело – его составляла история древнеперсидс-

Внизу:

Титульный лист романа Марии де Гурне «*Le Proumenoir de M. de Montaigne par sa fille d'alliance*» – «Путешествие Месье де Монтеня к своей названной дочери». Издание 1607 г.

кой принцессы Алинды, покончившей самоубийством из-за несчастной любви и предательства мужа.

После отъезда Монтеня Мария закончила роман, послала ему рукопись в Бордо для рецензии и лишь затем опубликовала. Редко кому из пишущих так везло с первых шагов: дебютировать с книгой, в названии которой стояло бы имя знаменитого человека — для начинающей писательницы, это, казалось, должно стать лучшей рекламой. Однако читательского, равно как и коммерческого, успеха произведение, опубликованное в 1594 году в Париже, не получило. Для Марии де Гурне подобное сочинение и вовсе оказалось единственным. Последующее ее творчество довольно легко объясняет, почему. Это была явно не ее тема. Злое, яркое перо воспитанницы философа-скептика

меньше всего оказалось пригодно к описанию любовных историй.

После смерти матери в 1591 году на плечи Марии, как старшей сестры, легли заботы о младших. Материальное положение семьи, и прежде не блестящее, усугубилось еще больше. Лишь восемь лет спустя, когда дела были более-менее урегулированы, она оставила дом брату и уехала из деревни, мечтая о литературной карьере и путешествиях, первым из которых будет, конечно же, в Бордо, к Монтеню.

Но увидеть главного человека своей жизни ей больше не пришлось. За семейными хлопотами Мария лишь теперь узнала о том, что 13 сентября 1592 года его не стало. Несмотря на печальное известие, в Бордо Мария все же решила ехать, ей хотелось побывать на могиле названного отца, поз-

Слева: Франсуа Буше.
Пикардийский пейзаж. 1740 г.
Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Внизу:
Ворота святого Бернарда в Париже.
Гравюра начала XVII в.
Худ. Рейнир Ноомс.
Музей Метрополитен, Нью-Йорк,
США.

Монтень для нее всегда оставался живым, она воскрешала его образ в памяти, а имя – в новых изданиях. Хотя была в этом и наивная, скорее инстинктивная, чем намеренная, хитрость: мадемуазель Гурне уютно чувствовала себя в великой тени.

накомиться с его семьей. Вдова приняла гостью любезно и передала ей рукописи с последними правками Монтеня.

Погостив несколько месяцев в Бордо, Мария де Гурне отправилась в Антверпен и Брюссель, где познакомилась с известными авторами того времени, а с 1600 года окончательно обосновалась в Париже, где, первым делом, позаботилась о посмертном издании сочинений Монтеня.

Поначалу на этом пути не все шло гладко. Написанное ею предисловие вызвало крайне недоброжелательную реакцию и, прежде всего, в кругах ортодоксальных католиков. Де Гурне была вынуждена изъять его

из еще не распроданных экземпляров книги, а затем в письме к нидерландскому гуманисту Юсту Липсию каяться и выражать сожаление по поводу своей публикации. Как все неловкие ученики, она бросалась защищать своего учителя, не отличая, что в его произведении существенно, а что вторично. Это сильно раздражало не только врагов, но и искренних поклонников Монтеня, обвинявших Марию де Гурне в фамильярном обращении с текстом великого философа. Цензор даже сделал пометку на полях готовившегося в печать издания: *«Это гипербола страстной и слепой женщины»*.

Страсть к преувеличениям, была свойственна мадемуазель де Гурне

всю жизнь, что вредило, прежде всего, ей самой. И хотя в последующих публикациях «Опытов», а она их осуществляла трижды – в 1598, 1617 и 1625 годах – писательница была более сдержана, безмерная увлеченность молодой женщины, которой выпала огромная, совершенно опьянившая ее честь быть названной дочерью гения, постоянно прорывалась наружу.

Знакомство с Монтенем определило и всю ее дальнейшую судьбу: издательница, редактор, комментатор, страстная пропагандистка «Опытов», публицист, литературный критик. Де Гурне проводила громадную и замечательную работу по их изданиям, уточняла переводы

De Poort S. Barnaert tot Parys.

Позорный столб на городском парижском рынке.

Фрагмент картины «Веселье на рынке по случаю дня рождения дофина».

Худ. Луи-Филибер Дебюкур. 1782 г. Музей Карнавале, Париж. Франция.

Вблизи рынка, где располагались парижские кварталы, которые, благодаря романам Эмиля Золя, получают свое знаменитое прозвище «Чрево Парижа», на улице Сент-Оноре поселится по приезду в Париж Мария де Гурне, и здесь же, на церковном кладбище упокоится ее бунтующая душа.

Ворота Сент-Оноре в XVII в. ➡
Гравюра неизвестного художника.
1650 г.

Национальная библиотека,
Париж, Франция.

торы, в большинстве своем отпрыски провинциальных мелкодворянских семей. Кого-то вело тщеславие, кого-то желание поправить материальное положение, а кто-то попросту не знал, куда деть себя от деревенской скуки.

Попав в начале XVII века в Париж, известный барочный поэт-итальянец Джамбаттиста Марино писал другу: «Что же мне сообщить Вам о самой стране? Скажу, что это – целый мир. Мир, говорю я, не столько по величине, населенности и нестроте, сколько по изумительному своему сумасбродству... Франция вся полна несообразностей и диспропорций, каковые, слагаясь в некое согласное несогласие, поддерживают ее существование. Обычаи причудливые, страсти свирепые, перевороты непрерывные, гражданские войны непрерывные, смуты беспорядочные, крайности неумеренные, путаница, сумятица, разнбой и бестолочь, – словом, все то, что должно было бы ее разрушить, но, на самом деле, каким-то чудом ее поддерживает! Поистине – это целый мир, вернее, мирок, еще более экстравагантный, чем сама вселенная».

«Вселенная» эта, похоже, искателей счастья с гусиным пером и стоп-

латинских цитат, упорядочивала ссылки, редактировала некоторые выражения, лично следила за работой в типографии, исправляла ошибки печатников, занималась рассылкой тиража книготорговцам. Монтень для нее всегда оставался живым, она воскрешала его образ в памяти, а имя – в новых изданиях. Хотя была в этом и наивная, скорее инстинктивная, чем намеренная, хитрость: мадемуазель Гурне уютно чувствовала себя в великой тени.

СВОЯ СТЕЗЯ

Сложный, противоречивый, экстравагантный, насмешливый, блестящий, романтический авантюрный, великий – к французскому XVII веку одинаково подходит любое из этих

определений. Потомки будут восхищаться его великими свершениями и необыкновенными судьбами, философскими идеями и художественными достижениями. В это столетие Франция станет самой могущественной державой в Европе, а французская классическая литература, вспыхнув именами Мольера, Корнеля, Расина, станет определять облик европейской литературной жизни в частности, и культуры в целом.

Но все это случится позже, лишь к концу века.

Пока на календаре – начало 1600-х. Франция еще истощенна заговорами, мятежами, смутами и многочисленными народными восстаниями предыдущего столетия, но мир уже более-менее восстановлен, и в Париж потянулись литера-

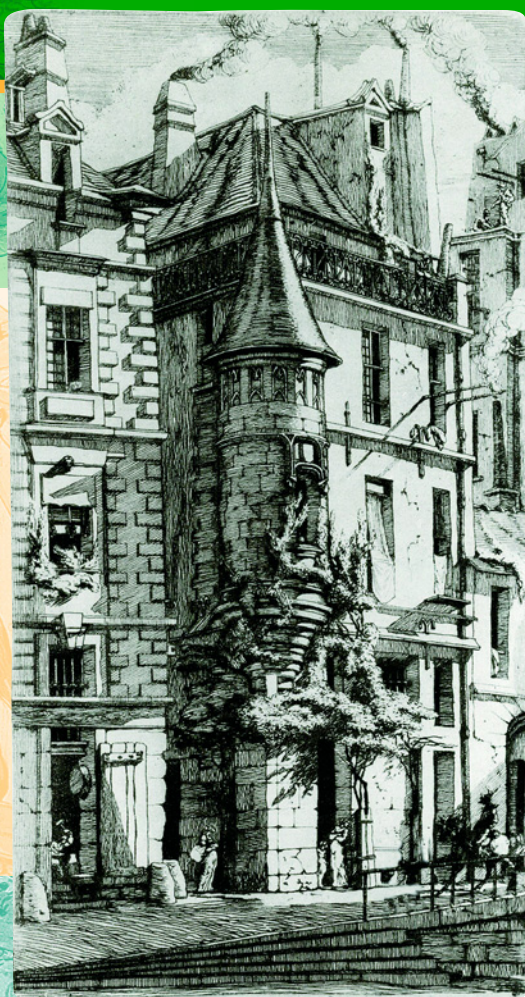
кой дешевой бумаги в котомке, не очень баловала. Покупателей на стихи и прозу найти было не так просто, и литераторы, как и художники, граверы или музыканты, владели довольно жалкое существование в убого меблированных чердачных комнатах за 1 су. Большинство из них нередко голодало, и имело в гардеробе лишь одно платье, настолько заношенное, что первоначальный цвет ткани, из которой его сшили, едва угадывался.

Конечно, было бы чрезмерным преувеличением утверждать, будто абсолютно все литераторы того времени страдали хроническим безденежьем. Напротив, среди них встречались люди довольно состоятельные, чьи земли и замки приносили значительные доходы, и не нужно было задумываться о материальных трудностях жизни. Но они составляли редкое исключение. Основная масса пребывала в нужде, выбираясь из нее, кто как мог. Один из будущих членов

При жизни де Гурне, о сколь либо приличных гонорах и речи быть не могло. К тому же считаться писательницей-профессионалкой в приличном обществе было *mauvais ton*. Как высказалась на этот счет однажды мадемуазель де Сюдери, представительница прециозной литературы, печатавшая галантно-героические романы под именем брата: «Писать — это утрачивать половину своего благородства».

Доходный дом в Париже. С гравюры XVIII в.

Внизу:

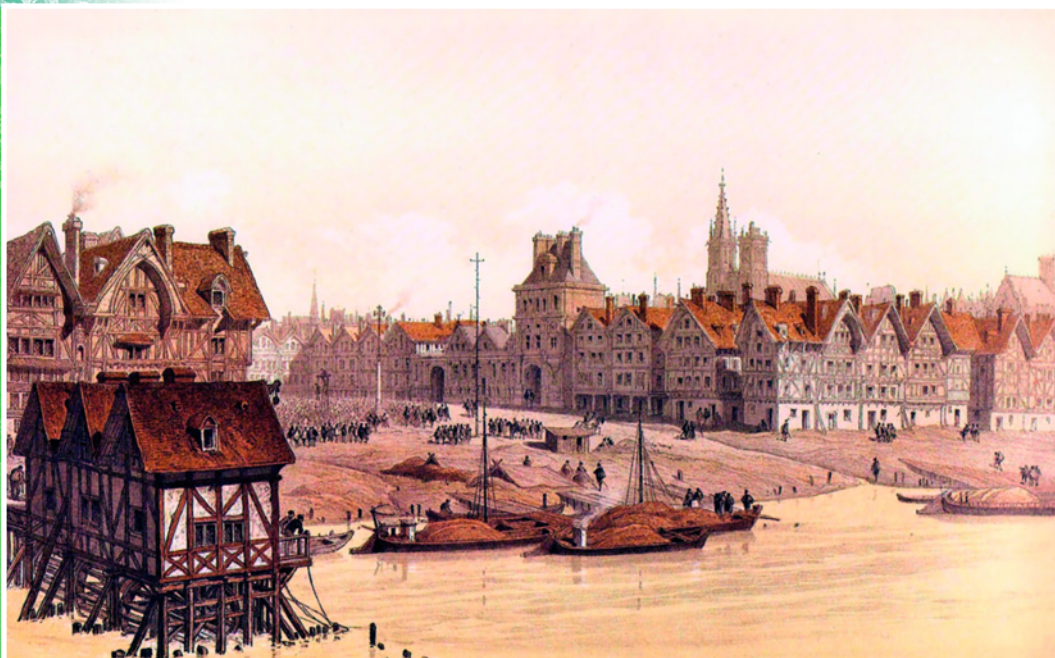
Отель-де-Виль – городская ратуша и средневековая Гревская площадь на правом берегу Сены в 1583 г. Гравюра Теодора Хоффбауэра. XIX в.

тель по тогдашним французским законам мог пользоваться конфискованным имуществом «государственных преступников».

И хотя именно в XVII столетии во Франции начали практиковаться издательские договоры, заверенные нотариусами и предусматривавшие пусть и хилое, но стабильное авторское вознаграждение, явление это было пока слишком редким, и о такой удаче литераторы могли только мечтать. Относительное облегчение в их жизни наступит, когда Ришелье, а позднее Кольбер учредят систему единовременных или пожизненных пенсий и субсидий писателям. Но получить их было сродни лотерее...

Женщин, которым удавалось существовать благодаря литературной деятельности, и вовсе можно по пальцам пересчитать даже полтора века спустя, когда Анна Луиза Жермена, вошедшая в литературу под именем мадам де Сталь и ее английская коллега Джейн Остин вывели женскую литературу на новый, более высокий уровень, позволяющий зарабатывать сочинительством. При жизни де Гурне, о сколь либо приличных гонорарах и речи быть не могло.

Французской академии и законодателей французского классицизма XVII века в области литературного языка Клод Фавр де Вожла, к примеру, прежде, чем добиться признания, вынужден был строчить доносы – обличить

К тому же считаться писательницей-профессионалкой в приличном обществе вообще было *mauvais ton*. Как высказалась на этот счет однажды мадемуазель де Сюдери, представительница прециозной литературы, печатавшая галантно-героические романы под именем брата: «Писать – это утрачивать половину своего благородства». Впрочем, хозяйка

Нищие на улицах Парижа. Худ. Вацлав Холлар, копия с гравюры Жака Калло. XVII в. Библиотека университета Торонто, Канада.

Внизу: Строительство фонтана на кладбище Невинных в 1550 году. Гравюра Теодора Хоффбауэра. XIX в.

Одно из самых старых кладбищ Парижа, предназначавшееся для бедняков, душевнобольных и ещё не крещенных младенцев – отсюда и его название. Позднее здесь стали хоронить казненных, простолудинов и жертв эпидемий. В истории этот район на правом берегу Сены больше известен как «чрево Парижа».

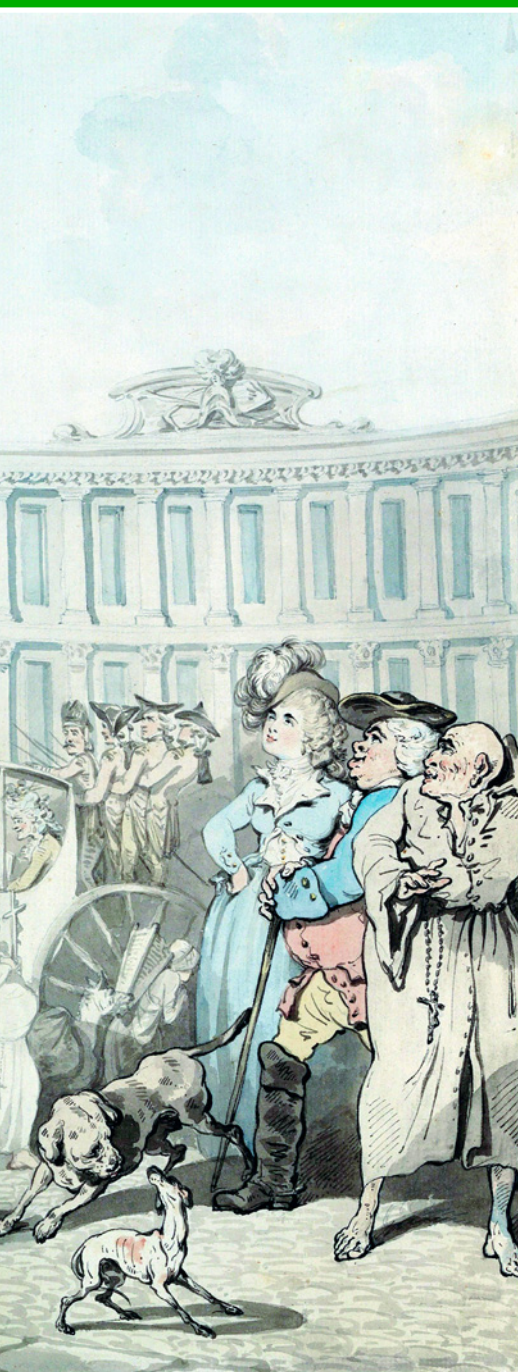

Квартирка писательницы находилась под самой крышей, занимая кусок чердака, куда добраться можно было, лишь цепляясь за веревку. Все стены ее были заставлены книгами, а угловой шкаф забит горелками и ретортами – алхимия, пусть и не так страстно, как в юности, все еще влекла мадемуазель де Гурне.

модного литературного салона мадемуазель де Скюдери, в отличие от Марии де Гурне, могла себе позволить думать так.

В 1600 году, когда Мария окончательно обосновалась в Париже, ей было тридцать пять. Почти все небольшое наследство родителей истощилось, разойдясь на устройство братьев, замужество сестры и собственное увлечение алхимией. Но философский камень она не нашла, замуж не вышла, и в налаживании

Парижская площадь Виктории. Худ. Томас Роулэндсон. Около 1783 г. Йельский центр британского искусства, Нью-Хейвен, США.

и литераторствующая беднота, и которое в историю войдет как «*чрево Парижа*».

Как и на всех городских улицах, даже на Сен-Тома или Тампль, где устраивал частные особняки придворный свет, на Сент-Оноре стояла нестерпимая вонь. Ширина улицы, застроенной доходными домами с уродливыми крышами, на которых рядом с громадными каминными трубами соседствовали разбросанные там и сям бесчисленные мансарды, вряд ли превышала пять-шесть метров. Рядом располагались заваленные всякой гнилью извилистые

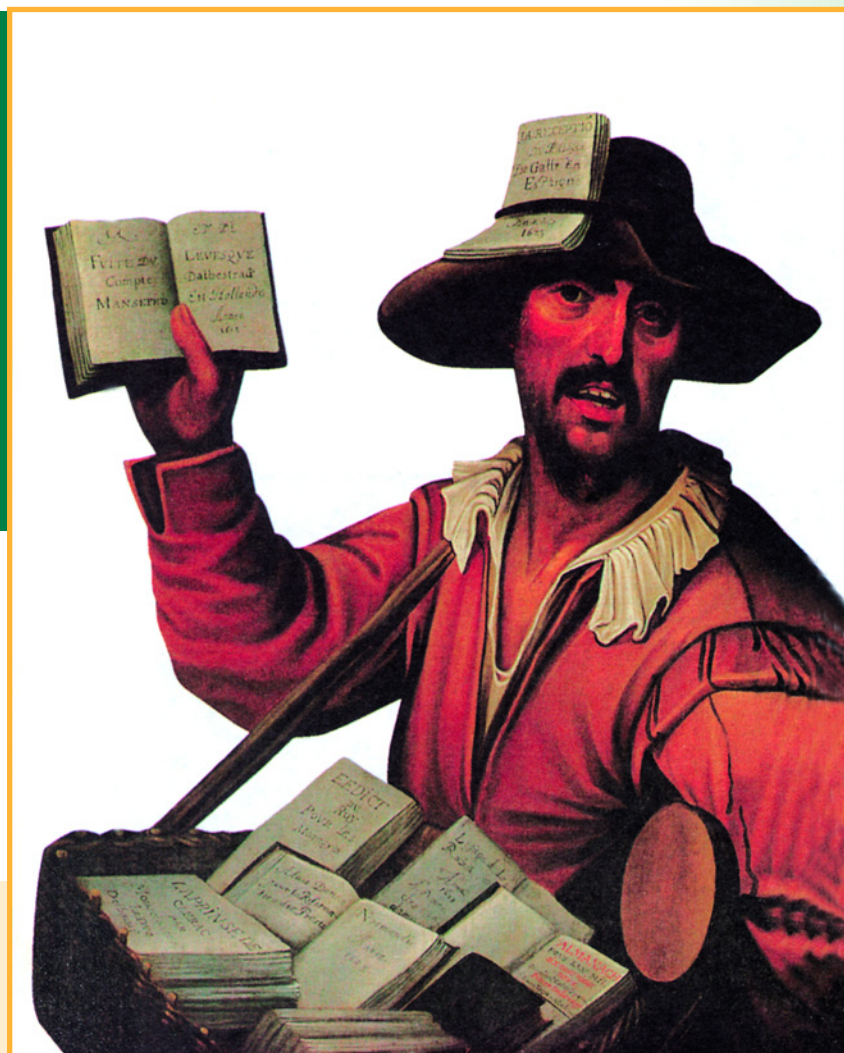
улучки и тупики. И если дул ветер, ядовитые испарения, распространялись по всей округе.

Квартирка писательницы находилась под самой крышей, занимая кусок чердака, куда добраться можно было, лишь цепляясь за веревку. Все стены ее были заставлены книгами, а угловой шкаф забит горелками и ретортами – алхимия, пусть и не так страстно, как в юности, все еще влекла мадемуазель де Гурне.

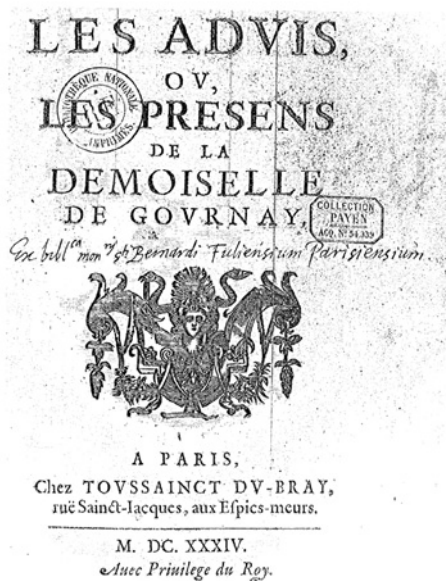
Прожив большую часть своей жизни в XVI веке, она была под стать своему приюту, одевалась по обветшавшей моде ушедшего столетия,

собственного существования приходилось рассчитывать теперь только на призрачные заработки литературным трудом.

Мария де Гурне поселилась в крохотной квартирке в предместье Сент-Оноре, городской трущобе на правом берегу Сены, в которой жили ремесленники, лавочники

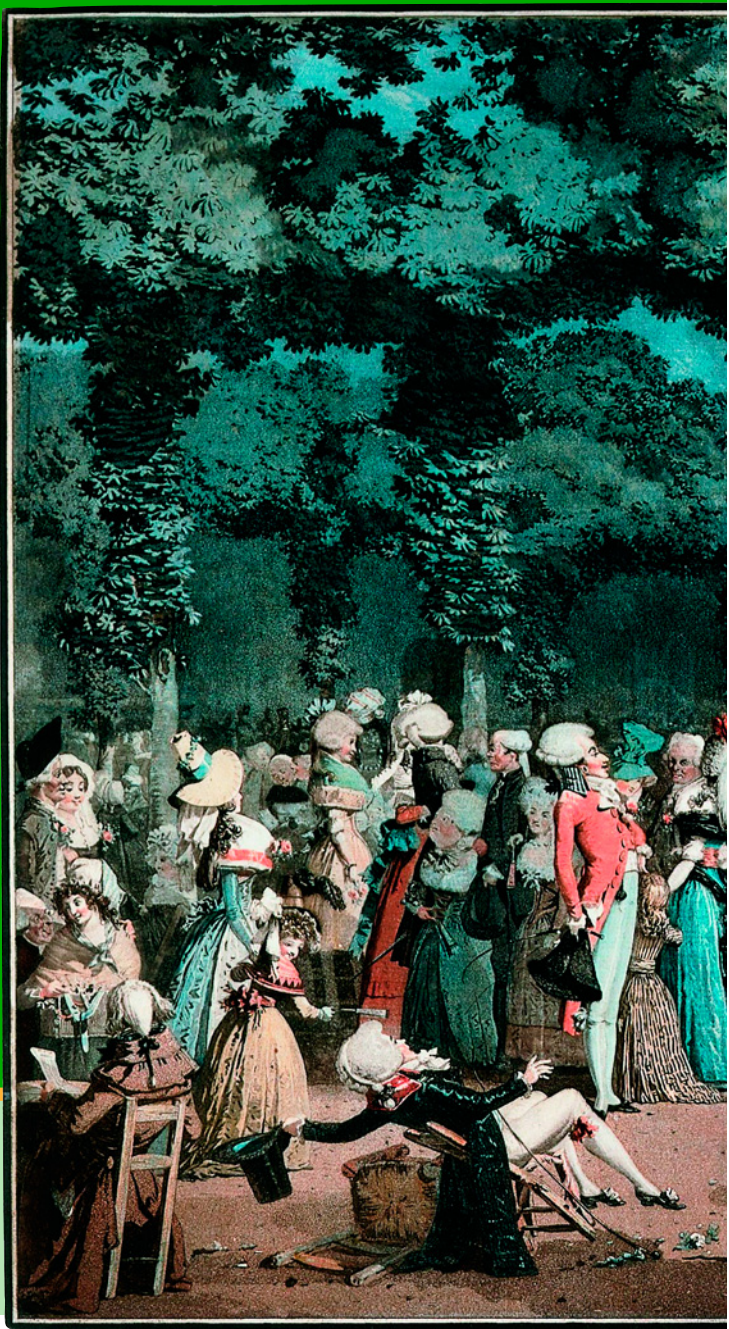

Парижский торговец книгами в разнос.
XVII в.
Музей народных искусств и традиций,
Париж, Франция.

Титульный лист книги эссе «Les Advis ou les Presens de la Damoiselle de Gournay» «Тень, или Суждения и воззрения мадемуазель де Гурне». Издание 1626 г.

Променад парижской публики. ➔
Худ. Луи-Филибер Дебюкур. 1792 г.
Музей искусств, Цинциннати, США.

и говорила всегда то, что думала, не стесняясь крепких выражений. Как и большинство приехавших в Париж провинциальных литераторов, названная дочь Монтеня перебивалась, как могла, спасаясь трудолюбием и свойственным ей от природы неизбывным оптимизмом.

Отсутствие средств к существованию нередко заставляло ее становиться в унижительную позу просительницы, и прибегать к лести. Мадемуазель де Гурне делала это с забавной смесью искренности и преувеличения, что особенно проявлялось в стихах, которые она

бралась рифмовать в честь любого возможного мецената. Так что к ней вполне применимы слова, сказанные поэтом-вольнодумцем Вокленом о Малербе, дескать, он обычно «*требовал подаяния, держа наготове сонет*». Лишь со временем де Гурне удастся найти покровительство у членов королевской семьи, а десять лет спустя после приезда в Париж, аббат Буабер, прозванный «*пылким ходатаем за нуждающихся муз*», выхлопочет у кардинала Ришелье для нее небольшой пенсioen.

Работала Мария де Гурне много, писала литературоведческие трак-

таты и эссе, переводила на французский язык любимых латинских и древнегреческих классиков. Но древней мудростью круг ее интересов не ограничивался – она с энтузиазмом хваталась за любую тему. Вполне согласуясь с замечанием Бернарда Шоу, что больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается, старая дева составляла педагогические трактаты, щедро пересыпая их теоретическими советами. Подобное творение с рекомендациями, как правильно надо воспитывать будущих наследников, мадемуазель де Гурне препода-

несла в день свадьбы Генриху IV и Марии Медичи в качестве подарка.

Воспитанница философа-скептика от-важно бросалась в частые в то время литературные и политические схватки. Не

уступая в смелости и остроте языка своему соотечественнику и современнику Сирано де Бержераку, она клеймила в эссе сплетников, торгашей, святош, наглецов, глупцов, не считаясь ни с общепризнанными норма-

Помимо того, что де Гурне сильно расходилась с Малербом во взглядах на литературный язык, он всегда был ей глубоко несимпатичен лично. Старую деву бесили его присказки о том, что в мире есть только «два лакомых кусочка – женщины и дыни».

Слепец с собакой. Офорт Жака Калло. 1622 г.

Музей искусств, Лос-Анджелес, США.

языка народным, и страстно отстаивала это убеждение в споре с Малербом, поборником классицизма, считавшим, что французскую речь, в первую очередь, нужно очистить от гасконских примесей, итальянизмов, грецизмов, германизмов, и прочего наследства «Плеяды». *«Возможно ли, – восклицала Гурне, – чтобы поэзия могла возноситься к небу, – своей цели, – с такими подрезанными крыльями и более того, искаленная и изуродованная? Очень удобно, конечно, для тех, кто умеет только нанизывать слова, внушать публике, что в этом заключаются все существенные качества писателя. Они и их подражатели похожи на лисицу, у которой отрезали хвост, после чего она посоветовала всем другим лисицам сделать то же самое для своего украшения и удобства».*

Помимо того, что де Гурне сильно расходилась с Малербом во взглядах на литературный язык, он всегда был ей глубоко несимпатичен лично. Старую деву бесили его присказки о том, что в мире есть только *«два лакомых кусочка – женщины и дыни»*. Престарелый поэт, а Малерб был на девять лет старше де Гурне, действительно, неровно дышал к хозяйкам парижских альковов, которые между собой называли его *«паташей-сладоглотником»*.

В 1626 году де Гурне собрала свои эссе на филологические, литературные, педагогические, политические и моральные темы в сборник *«L'Ombre de la Damoiselle de Gournay»* – «Тень мадмуазель де Гурне», предпослав изданию объясняющий название эпиграф: *«Человек – это призрачная тень, а его творения – тень, которую он оставляет»*. Помимо эссе, в книгу вошли также стихи, поэтические переводы с латинского и греческого, и, конечно же, роман «Прогулки с Монтенем».

ми учтивости, ни с положением в обществе тех, против кого воевала.

Литература начала XVII столетия, не оправленная пока в рамку классицизма, еще не отделилась от благородной забавы, служащей для развлечения, еще обильна была вольностями, но уже уверенно нащупывала себя, как профессию, порождая бесконечные споры и разборки критиков. Часть из них деклариро-

вала преувеличенное стремление к чистоте литературного языка прециозных салонов и их аристократических посетителей, другая – боролась за построение литературной речи на общенародной основе.

Мария де Гурне в литературной критике, начиная с 1630-х годов, продолжала линию Монтеня, стоявшего за обогащение поэтического

Раскланивающийся кавалер.
Офорт Жака Калло. 1624 г.
Национальная библиотека,
Париж, Франция.

Одно из стихотворений этого сборника – о Жанне д'Арк – Дюма приводит в своем романе «Красный сфинкс»: *«Как примирить, скажи, о Дева Пресвятая, Твой кроткий взор с мечом, что грозной сечи ждет? Глазами нежными Отчизну я ласкаю, А меч мой яростный Свободу ей несет!»*

В доработанном виде и с несколько измененным названием – «Тень, или Суждения и воззрения мадемуазель де Гурне» – книга еще дважды переиздавалась – в 1634 и 1641 годах. Писательница очень дорожила этим названием, которое ни за что не хотела менять, несмотря на то, что книготорговцы находили его «не коммерческим» и требовали какое-нибудь другое. Книготорговцы ошибались. К суждениям и воззрениям де Гурне современники отнеслись с интересом и даже благосклонностью. А Шарль Сорель, основатель французского бытового романа, знавший писательницу лично, находил в ее эссе и трактатах *«много замечательного смысла»* и рекомендовал непременно читать их.

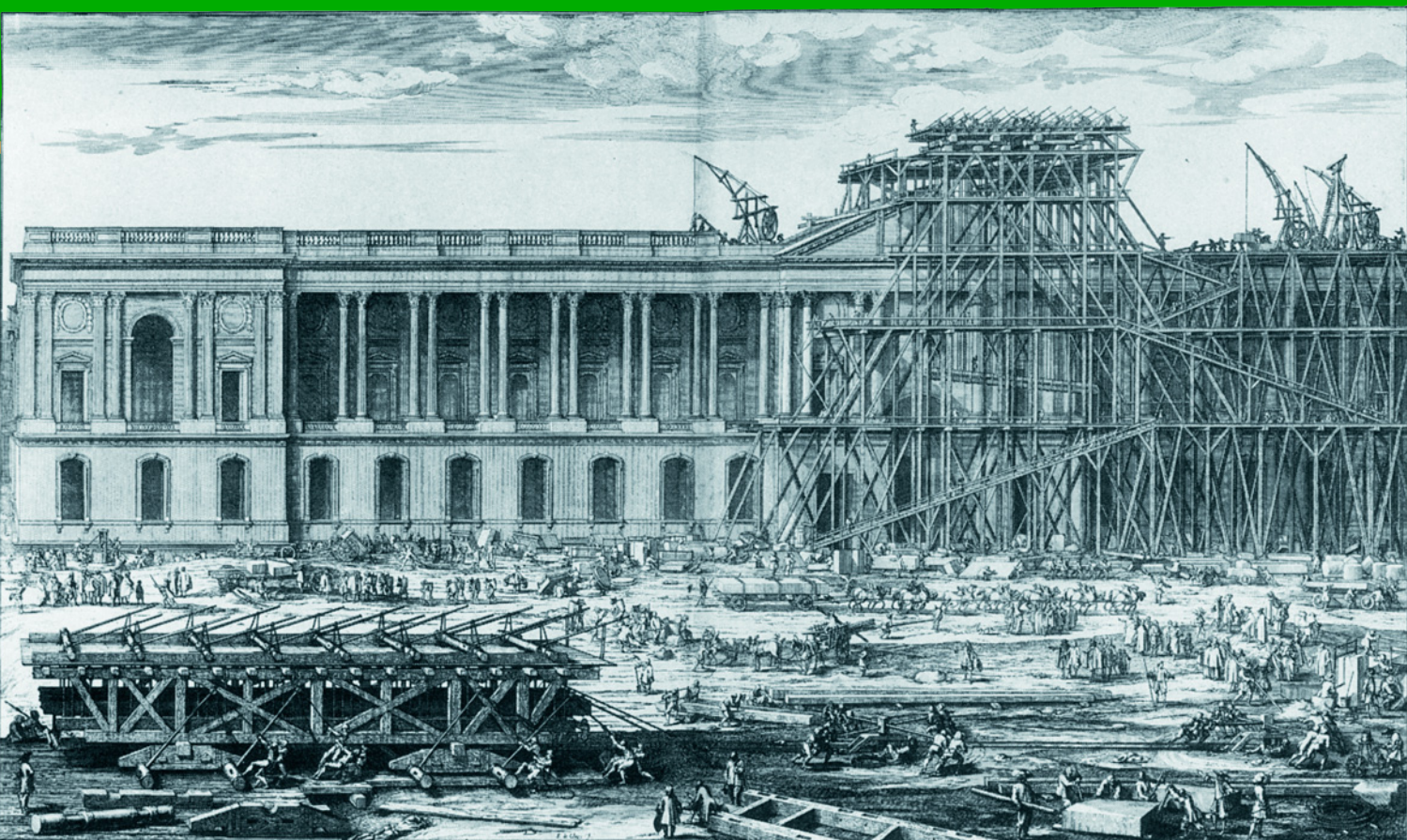
Литературный стиль и мысли Марии де Гурне нередко были эхом стиля и мыслей Монтеня. И хотя с годами писательница несколько отойдет от свободной композиции монтеневских «Опытов», жанру, изобретенному учителем, останется верна. Над собственными текстами она всегда работала тщательно, шлифовала язык, вносила множество поправок. Эта страсть к правкам мучила Марию де Гурне всю жизнь. Изменения, добавления, исправления она обычно писала на полях книги или рукописи, но, случалось, их не хватало. Поэтому к экземпляру «Тени» 1641 года она приклеила листок, на котором трогательно написала: *«Позволь, читатель, бедной матушке проявить заботу, дабы не остался ее ребенок сиротой и не был лишен аудитории, как лишен вдовец внимания умершей жены».*

Писательница всегда была восприимчива ко всему новому, ум ее отличался гибкостью, а в мироощущении и эстетических воззрениях происходила постоянная работа. Лишь двум идеалам она была верна безоглядно: Монтеню и Ронсару,

которых, с присущим ей жаром, защищала как от настоящих, так и от мнимых врагов. На этом поле битвы случались довольно забавные казусы. Так, например, однажды де Гурне опубликовала неизвестное ранее стихотворение уже вышедшего из

Однажды де Гурне опубликовала неизвестное ранее стихотворение уже вышедшего из моды Ронсара (он умер в 1585 г.), которое, якобы, случайно ей удалось обнаружить. На самом деле, это был ее собственный вирш, причем, не очень талантливый. Естественно сей неловкий литературный обман быстро раскрылся и вызвал всеобщее возмущение.

Ремонтные работы Луврского дворца. Гравюра Себастьяна Леклерка. 1677 г.

Внизу:
Версаль. Худ. Мартен Пьер-Дени, Младший. 1722 г.
Музей Версаля, Париж, Франция.

моды Ронсара (он умер в 1585 году), которое, якобы, случайно ей удалось обнаружить. На самом деле, это был ее собственный вирш, причем, не очень талантливый. Естественно сей неловкий литературный обман достаточно быстро раскрылся и вызвал всеобщее возмущение.

С годами за азартной и язвительной полемисткой закрепилась в Париже репутация грубиянки и скандалистки, а о том, что де Гурне любила подпустить «низкое» словцо, особенно если хотела «укусить» кого-нибудь из противников, вспоминают многие ее современники. Сама же она, оправдываясь за то, что использует далеко не литературную лексику, не позволятельную для приличной дамы, объясняла это полемической страстью: *«И если я осмеливаюсь произносить грязь, то только для сравнения»*.

